

С. Иванов, Вс. Некрасов

ЛЕС ДРЕМУЧИЙ

Уже утро, а никак не проснешься. Что снится, что не
снится — всё путается:

Сон — солнце,
Солнце — сон,
Солнце —
Солнце —
Солнце —
Сон...
Солнце...
А солнце —
Не сон,
А солнце —
Солнце.

А вот и ошибся. Это летом я так просыпался, а сейчас
лето кончилось, все листья под окном — желтые, от этого
и показалось, что солнце светит. А солнца нет. Осень.
Просыпаюсь потихоньку дальше.

Пять — шесть,
Шесть — семь,
Семь — восемь,
Восемь — девять,

Восемь — девять,
Девять — десять.
Девять — десять:
Осень...

Наверно всё еще не проснулся толком, вот и счет после пяти вспоминаю нетвердо еще, неуверенно. И что я такое считаю — тоже толком не знаю. Не то листья, что слетают. Не то капельки, которые на стекло попадают, — дождик чуть-чуть моросит. Или так просто — осень, считаю, мама говорила, как раз девятый месяц сентябрь проходит, десятый уже скоро пойдет — октябрь. Пора в Москву переезжать.

Пока совсем не проснулся, ну-ка попробую вспомнить все месяцы? Да нет, трудно, у них названия трудные, особенные. Как это мама говорила, что на что кончается:

И сентябрь —
на брь,
И октябрь
на брь,
И ноябрь —
брь,
И декабрь —
брь;
А январь —
на арь,
А февраль —
на аль,
А март —
арт,
Апрель —
на эль...
Май —
на ай,
Июнь —
на юнь;
Июль —
на август,
Август —
на сентябрь...

И снова можно. Вроде все вспомнил. Надо же — чудные слова лучше простых запоминаются... Пока вспоминал, совсем проснулся. Здорово. А всё мама. Ай да мама. А мама тут как тут:

— Проснулся, сын? Тогда вставай, Тогда вставай, не залеживайся. Отец приедет, а ты валяешься. Вставай, собираться надо. Сегодня уже точно в Москву уезжаем. Быстрей, а то чайник стынет.

— Мама, — говорю, — а где чай пить — на терраске?

— В комнате.

— А почему?..

— А потому что холодно, дождик. Непонятно разве?

Да. Не та жизнь пошла. Не стал я спорить, но разве это дождик? Так, моросит еле. А как раз в настоящий, проливной дождь на терраске посидеть — одно удовольствие. Где у всех стекла, рамы, там у нас листья — виноград дикий папа посадил. Снаружи шум — дождь по листьям, лист по листу бьет, в хороший дождик обязательно капля по листья покатится и внутрь к нам, на пол — кап: за ней другая...

Дождь и дождь

И дождь

И дождь.

И дождь

Идет,

Идет,

Идет;

И дождь

Идет,

Капля —

Кап...

Лист об лист
Шлеп-пошлеп.

А уж в хорошую погоду утречком, когда все в сборе — не чай, а одно удовольствие. Да что говорить:

Утром у нас
Чай с солнцем.

На ночь —
Молоко с луной.

А в Москве —
Электричество
С газированной водой.

А тут отца нет, мама спешит, сердится, всё наспех — и чая не хочется. И молока. И даже, пожалуй, воды газированной с сиропом, хоть ее и всё равно нет. Выпил чашку, как полагается, и говорю:

— Мам, давай я тебе помогать буду?

А маме не до меня, под ногами, мол, только не путайся.

— Ну тогда я сама немножко пойду соберусь, можно?..

Мама только рукой отмахивается:

— Иди, — говорит, — только смотри, с участка ни ногой, слышал?

— Слышал!

И скорей за дверь, с терраски, по дорожке к калитке. Все-таки сегодня в Москву едем. Открыл калитку и вышел на нашу улицу. Стал, смотрю и слушаю.

Про нашу улицу все говорят — тихая. У нас и летом шумно не было, а вчера соседи уехали, и еще тише стало, так тихо, как я еще и не слышал.

Тише,
Тише,
Тише,
Тише,
Тише.

Наша
Тишина.

Наша тишина,
И тишина —

Тишина —

Тише нашей.

И вдруг слышу: тук... тук-тук... тук... И вроде не так далеко — дачи за две — за три от нашей. Надо пойти посмотреть. Наверно, тоже уезжают, как мы, и дачу заколачивают. Иду, а «тук» как будто сверху. Посмотрел я — это дятел стучит.

Дятел
Бил.
Лист
Упал.

Дятел
Делал
Листопад.

Листопад:
Лета
Нет;
Входит
В лес,

Входит
Свет
И
Выходит...

И
Выходит...
И
Выходит...

Вышел...

Нет...

Вообще-то осенью свет убывает, но где зелень была — светлей становится: листья ведь осыпаются... Так что сразу и светлей становится, и темней. Я это еще в прошлом году заметил, а может, и раньше. А насчет леса, то улица наша так и называется — Первый Лесной просек. И я всегда думал, что мы летом на даче в лесу живем. А недавно папа смеяться стал:

— Ты что, брат, большой такой стал, а не понимаешь? Какой же у нас тут лес? У нас поселок, а лес — дальше...

Что лес — дальше, это я понимаю. Мы туда гулять ходим с мамой. На полянку ходим, к шоссе ходим, и в лес ходим. Я только не понимаю, почему у нас-то не лес. По моему, так: где есть деревья и где интересно, это и называется — «лес». Вот и сейчас тут лес. Забор, дачи, нет никого — чем не лес? Или не лес?.. А вот интересное место недалеко — перекресток. Поперек нашей улицы — просека другая идет, не просек, а просто улица имени поэта Сулеймана Стальского. И как раз посередине вроде сидит

кто-то: собака или кошка — не пойму. Летом тут не посидишь — люди ходят, а сейчас нет никого. Осень...

Осень.
Перекресток просек.
И уселся посередке
Не то
Пес,
Не то
Кот.
И сидит.
И не идет.

Подошел я поближе, а это кошелка стоит. Сумку старую с одной ручкой оставил кто-то, и в ней четыре шишки. Ладно, стоит — пускай тут и стоит. А я дальше пойду. Интересное место — перекресток. На все стороны улицы — иди куда хочешь. А куда я хочу? Я хочу к елкам. У нас кругом всё сосны и шишки сосновые, маленькие. И в кошелке тоже шишки сосновые были. А куда-то мы с мамой ходили — там елки росли и на них шишки интересные, большие, еловые.

Шишки на елке,
Елкины шишки.
Елкины шишки на елке,
Елкины наши шишки
Ишь,
Ишь,
Ишь какие:
Ш,
И,
Ш,
К,
И...

ШИШКИ!

Хорошее слово. Я и буквы там почти все знаю — Ш на забор похоже, И — на нашу калитку. И так я что-то обрадовался, что забыл — а куда к этим елкам идти-то... Пойду вон туда, а там видно будет. И пошел вприпрыжку. То иду, то прыгаю. Не подряд, а с перерывами.

Прыг-прыг,
Прыг-прыг...
Перерыв.

Прыг-прыг-прыг,
Перерыв.

Прыг-прыг,
Перерыв,

Прыг-прыг,
Перерыв;

Потом — прыг,
Потом — прыг,

Потом перерыв,
Потом — перерыв,
Потом перерыв...

Потом —
Прыг.

И дальше пошел спокойно. Устал немножко. Опять смотрю, слушаю, и кажется мне, что напрягал я что-то: уже не так всё кругом тихо, как было. Какой-то шум идет, и всё ближе, ближе — не то поезд далеко едет, не то на велосипеде кто-то. Стал я опять, стою, а это — ветер.

Ветер, ветер.
Едет, едет.

Едет, едет.
Ветер
Едет...
    Едет
Или не едет?
    Едет.
Или не едет.
    Едет?
Нет?
    Ветер?
Нет?
    Ветер...
Нет...
    Едет...
На велосипеде —
    Нет?
На велосипеде —
    Нет?..
На велосипеде — на велосипеде...

Проехал ветер, сдул дождик и дальше уехал. А я все стою и слушаю. Все-таки одному-то немножко скучно...

Зато интересно, когда один, — пугаться. Сначала чуть-чуть, понарошку. А потом уже как получится. Надо только стать, замереть, посмотреть и слушать.

Ну, стою. Интересно — получится у меня пугаться или нет? И чувствую, идет дело! Здорово может получиться! Вон уже за кустами что-то вроде мелькает. Или нет ничего? Или есть что-то? Опять интересно, непонятно, как с ветром было:

Тень?
Нет?

Нет
Не тень...

Нет
Тень...

Нет
Не тень...
Нет тень...

Нет!

Это не тень!

И правда, какая там особенная тень — самые интересные тени при луне бывают, а тут даже солнце не светит, пасмурно. Это не тень. Это вышли на дорогу два дяденьки, идут и разговаривают.

— Так то первый просек был. А нам, говоришь, какой надо?

— Да нам и надо первый, только тот березовый был, а нам надо, по-моему, сосновый... Но не березовый, это я помню...

— «По-моему»... А другая улица там как называется?

— По-моему, Маяковского.

— Опять по-твоему! Сказано уже — нету тут Маяковского. Есть вот Успенского, есть Стальского, есть Менжинского. Вот и угадай. Давай хоть малыша спросим... Эй, мальчик, не знаешь, где тут у вас сосновый просек? Первый — второй — двадцать второй, только бы не березовый?

— Не знаю, — говорю. И правда, я не знаю.

— Да, — другой говорит. — Беда. Где сосновый, где березовый, где какой, где который, где еще второй и где первый?..

— Не говори. Лес дремучий. Ну что ж, пошли, что ли, вон туда.

И пошли они. А я стою и думаю: значит, вот как! Значит, где я сейчас, тут и правда лес! Да еще какой — как в сказке, дремучий! В такой мы и с мамой не ходили! Вот здорово! Вот где пугаться так пугаться!.. И дяденьки ушли, мешать не будут... Лес... Вот он какой.

Лес и лес
И лес и лес
И лес,
И лес,
И лес и есть:

Лоси,
Рыси,
Лоси – рыси...

Лось-лось-лось!
Рысь-рысь-рысь!

Не боишься?
Не боишься?
Не боишься?

Не боись,
Не боись,
Не боись!

Вообще-то я знаю, что правильно надо говорить «не бойся», но «не боись» как-то и страшней выходит, и смешней сразу. Так папа говорит, когда шутит.

А лес кругом дремучий!.. Деревья дремучие и кусты дремучие. И забор дремучий-дремучий. А за забором дача, домик на вид вроде нашего, а на самом деле он-то, домик, самый тут дремучий и есть.

Интересно, а как же я отсюда домой дорогу найду? Шел, прыгал, а откуда я прыгал хоть? С какой стороны? Куда теперь идти?

Откуда?
Куда?
Да...
Куда —
Я знаю, куда.

А откуда...
Откуда я знаю, откуда...

Или нет:

Откуда —
Я знаю, откуда,
А куда —
Откуда я знаю — куда...

В общем, заблудился я в дремучем лесу. А вдруг сейчас темно станет и ночь подойдет? Ночи сейчас темные. Вчера с мамой идем — такая темнота... Темнотища!

Темнота.
В темноту
Опускается
Пыльца
Где-то там
Где-то тут
Где-то
Около лица
Над покрытой головой
И в канавах у шоссе
Дождевой,
Деловой
И касающийся всех
Происходит разговор
Между небом
И землей,
Между летом
И зимой.

— И папе знаешь как скажи — скажи: «Папа, а мы слушать ходили, как зима с летом договариваются»...

Так мне мама сказала. А ночью я вдруг вспомнил, проснулся — чудно так:

Ночью
Очень чудно...
Ночью
Очень чудно,
Но ничего!

Но это в доме ничего, с папой и мамой, а в лесу дремучем?.. Что там ночь!.. Еще, наверно, и утро не кончилось, а уже страшновато. Испугался я, значит, все-таки. Не зря старался. Хорошо хоть идет кто-то. Смотрю, а это мама идет.

— А, вот ты где, — говорит, — ну и паршивец, ну и обормот! Тебе что было сказано? Одного тебя ждать будут? Уехали бы в Москву, а ты живи тут один, раз не слушаешься!..

И шлеп меня от души. Только я зареветь собрался, а кто-то вдруг:

— Извините, пожалуйста, мы уже час ищем, где тут сосновый просек?

— Соснового у нас нет, — мама отвечает, — а есть Первый Лесной просек и Второй Лесной. Мы как раз на Первом Лесном живем. А вы кого ищете?

— Извините, а вы не Валентина Филипповна будете?

— Да, — мама говорит.

— Вот как хорошо! — оба сразу заговорили. — Понимаете, Николай Матвеевич никак сегодня приехать не мог, мы его сослуживцы, и он попросил нас помочь вам

перевезтись, передавал, чтобы здесь не задерживались, а на неделе он всё равно сам приедет и все вещи заберет. А мы вас найти не можем. И простите еще раз, что от важного дела оторвали, — и мне подмигивают.

— Мама, — говорю, — а я тут дремучий лес видел.

— Я тебе дам дремучий лес! — мать говорит, — ты у меня запомнишь!

И мы пошли, собрались и поехали. Мама, конечно, еще по дороге перестала сердиться. Но я и правда всё хорошо запомнил. Ну, пусть не всё, а кое-что запомнил. Много лет не вспоминал, а потом вспомнил, и с тех пор уже не забываю.

1974